

ПРЕДЕЛ ТИШИНЫ

ИННА ПРОСКУРЯК

СЕРИЯ: ДЕЛА МЕТРОСТРОЕВА

18+

Инна Проскурjak

Предел тишины

<https://litres.ru/74113956>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Метростроев думал, что оставил прошлое позади. Дело серии убийств закрыто. Дома ждут невеста, её дочь и пёс. Тишина. Покой.

Но однажды утром из опечатанного хранилища вещдоков исчезает кассета — единственная улика по убийству десятилетней давности. Замок не взломан. Ключ был только у троих. Иван начинает копать — и выходит на человека, которого все считали мёртвым восемь лет. Бывший наставник. Легенда угрозыска. Тот, кто когда-то закрыл это дело — и знает, почему его нельзя было раскрывать.

Теперь Иван должен выбрать: пройти мимо и сохранить тишину — или войти в систему, которая не прощает тех, кто задаёт вопросы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. День первый. Утро	9
Глава 2. День первый. Вечер	23
Глава 3. День второй. Утро	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Инна Проскуряк

Предел тишины

Пролог

Кассета лежала в ящике под номером 214 десять лет. А потом исчезла.

Я узнал об этом во вторник. Вторники в отделе нераскрытых дел — дни ревизии. Начальник отдела полковник Горелов называет это «санитарной пятницей», хотя пятница тут ни при чём. Ему просто нравится, как звучит. Раньше я спорил. Теперь — нет. Теперь я просто заполняю описи.

В то утро я пришёл раньше обычного. Вероника дежурила в ночную, Алису отвозил к школе на машине, Углёк проводил до двери и лёг обратно на коврик — он уже понял, что по утрам от него требуется только ждать. В хранилище было холодно, пахло пылью и старым картоном. Лампы гудели. Я открыл журнал, пробежал глазами список невостребованных вещдоков за 2013-й, ткнул пальцем почти наугад. Дело № 13-12-41. Убийство. Женщина, тридцать два года. Подземный переход на Кутателадзе. Кассета видеонаблюдения.

ния — единственная запись, на которой она ещё жива.

Я вставил ключ. Замок поддался сразу — даже не скрипнул. И в этот момент что-то кольнуло. Не предчувствие, нет. Я не верю в предчувствия. Просто — неправильность. Когда открываешь ящик, который десять лет не трогали, замок должен хотя бы чуть-чуть сопротивляться. А этот открылся как смазанный.

Внутри было пусто.

Я стоял и смотрел в пустой металлический ящик, и в голове крутилось только одно: «Ну вот. Опять».

Понимаете, есть такие моменты — они приходят не как удар, а как тихий щелчок. Ты слышишь его где-то внутри, и всё сразу становится ясно. Не что случилось, не кто виноват. А просто — всё опять поедет. Все эти твои планы: забрать Алису в четверг, помочь Веронике выбрать шкаф, закончить опись к пятнице. Всё это сейчас отодвинется в сторону, потому что кто-то открыл ящик 214 и забрал то, что лежало в нём десять лет. И ты знаешь, что не пройдёшь мимо. Не потому что герой. А потому что по-другому не умеешь. Так тебя собрали — ещё тогда, до разрыва с отцом, до перевода в Новосибирск, до всего. Ты — человек, который не проходит мимо. Это не добродетель. Это устройство психики. Иногда

я думаю — дефект.

Я захлопнул дверцу. Замок щёлкнул. Звук получился сухой и окончательный, как точка в конце приговора.

Можно было доложить по форме. Написать рапорт. Запустить внутреннюю проверку. Формально — правильно. Формально — по уставу. Но я стоял в холодном подвале и думал о том, кто ещё имел доступ к этому ящику. Ключей три. Один у меня. Один у начальника отдела. Один у архивариуса. Архивариус — пенсионер, бывший опер, пьёт чай с бергамотом и раскладывает пасьянс на служебном компьютере. Начальник отдела — Горелов, человек, который спит и видит, как бы выйти на пенсию без скандалов. И я.

Кто-то из нас троих открыл этот ящик. Или у кого-то из нас троих взяли ключ.

Я поднялся наверх. В коридоре горела одна лампа из четырёх — третья слева вечно моргала, но менять её было некому. Дежурный лениво кивнул, не отрываясь от телефона.

— Что-то нашли, Иван?

— Нет, — сказал я. — Ничего.

И вышел на улицу.

Сентябрь в Академгородке пахнет хвоей и мокрым асфальтом. Утро было серое, тихое, безветренное. Я сел в машину, захлопнул дверь, положил руки на руль. Смотрел, как по лобовому стеклу сползают капли ночного дождя.

Если начать сейчас — рапорт, проверка, объяснительные — дело закроют через неделю. Спишут на утерю при инвентаризации. Срок давности по убийству почти вышел. Жертву всё равно не вернуть.

Я завёл мотор.

Если начать сейчас, я открою то, что кто-то очень хотел оставить закрытым. И этот кто-то — не чужой. Он свой. Он знает, где лежат ключи. Он знает, как устроена система. И он ждёт, что я поступлю как нормальный человек: напишу бумагу, получу выговор, забуду.

Но я не нормальный человек. Это давно понятно всем, кто со мной работает. И тем, кто со мной живёт.

Я выехал с парковки. Дворники скрипнули по стеклу. В кармане зажужжал телефон — Вероника писала, что смена прошла нормально, Алиса спрашивает, буду ли я вечером.

Я не ответил. Не потому что не хотел. А потому что не знал ещё, каким будет этот вечер. И вообще всё, что последует за этим утром.

В зеркале заднего вида мелькнул и пропал серый корпус института ядерной физики. Я ехал в город и думал о женщине, которую убили десять лет назад. О её последних минутах в подземном переходе. О камере, которая видела её живой. О кассете, которой больше нет.

И о человеке, который её забрал.

Глава 1. День первый. Утро

Убитую звали Елена Аркадьевна Стрельникова. Тридцать два года. Младший научный сотрудник Института цитологии и генетики. Не замужем. Детей нет. Жила одна в съёмной квартире на улице Пирогова, в десяти минутах пешком от института. Последний раз её видели четырнадцатого декабря две тысячи тринадцатого года в подземном переходе у станции метро «Речной вокзал». Через сорок минут тело нашли в сугробе на пустыре за торговым центром. Причина смерти — удар тупым предметом в висок. Ограбление? Возможно. Сумки при ней не было. Но кошелёк и телефон остались в кармане пальто.

Дело вёл следователь Советского района. Тогда это был Грач. Виктор Романович Грач. Легенда новосибирского угрозыска — так о нём говорили, когда я только приехал из Омска. Я не застал его на службе, но слышал достаточно, чтобы составить портрет. Старая школа. Жёсткий. Молчаливый. Дела не бросал. Людей не сдавал. В марте четырнадцатого года вышел на пенсию по выслуге. Через месяц пропал. Тело не нашли. В шестнадцатом признали умершим. На мемориальной доске в управлении есть его фамилия — я видел, когда проходил мимо.

Я поднял дело из архива. Не из хранилища вещдоков — из обычного бумажного архива, где лежали папки с протоколами. Его никто не тронул. Пыльный картонный скоросшиватель, пожелтевшие страницы, машинописный текст. На первой странице — фотография. Елена Стрельникова смотрела в объектив спокойно и чуть исподлобья. Светлые волосы до плеч. Тонкий шрам на левой скуле — в деле написано: в детстве упала с велосипеда. Я почему-то задержался на этом шраме. Подумал, что у Алисы на коленке такой же — от прошлогоднего падения с качелей. Ерунда, конечно. Просто когда у тебя дома ребёнок, ты начинаешь видеть детей в любом взрослом.

— Что у тебя? — спросил Горелов, не отрываясь от монитора.

Мы сидели в его кабинете. Полковник Горелов — грузный, лысеющий, с вечно расстёгнутой верхней пуговицей. Пахло от него одеколоном и бумажной пылью. На столе — кружка с чаем, надкушенный бутерброд, стопка папок.

— Дело Стрельниковой. Десять лет висит. Я хочу поднять.

— Зачем?

— Кассета пропала.

Горелов поднял глаза. Не часто он поднимает глаза от монитора. Обычно говорит, глядя в экран, — такая привычка. А тут поднял.

— Какая кассета?

— Единственная. Видеонаблюдение из перехода. Которую приобщил Грач.

— Грач?

— Виктор Романович. Тогдашний начальник угрозыска. Дело было у него.

Горелов помолчал. Потёр переносицу. Я видел, как он прикидывает: скандал, бумаги, объяснительные. И одновременно — сроки давности, отсутствие состава. Убийство десятилетней давности никому не нужно. Кроме убитой и следователя, который когда-то вёл это дело. Но следователь мёртв.

— Слушай, Метростроев, — сказал он. — Дело старое. Грач мёртв. Подозреваемого, насколько я помню, отпустили

за отсутствием улики. Что ты хочешь там найти?

— Не знаю. Но кассета исчезла.

— Может, её сто лет как выбросили. Переучёт делали в шестнадцатом, когда Грача признавали умершим. Всё могли списать.

— Замок был смазан.

— Что?

— Я открыл ящик. Замок был смазан. Свежая смазка.

Горелов посмотрел на меня долгим взглядом. Так смотрят на человека, который пришёл и испортил спокойный вторник. Потом вздохнул, отодвинул бутерброд.

— Делай что хочешь. Но без шума. И без рапортов пока. Понял?

— Понял.

— И закрой дверь. Сквозит.

Я закрыл. Коридор встретил меня тишиной и моргающей

лампой. Дежурный всё так же сидел в телефоне. Я прошёл к себе, сел за стол, открыл ноутбук. Экран загорелся. «Аура» была на связи.

Доброе утро, капитан.

Я напечатал: «Подними всё по делу № 13-12-41. Убийство Стрельниковой. Новосибирск, 2013».

Запрос принят. Дело оцифровано частично. Основной массив — бумажный. Ограничить поиск?

«Нет. Всё, что есть. Включая личное дело Грача».

Виктор Романович Грач, 1955 г.р. Статус: признан умершим, 2016. Доступ к личному делу ограничен. Использовать обходной протокол?

Я помедлил. Палец завис над клавиатурой. Потом набрал: «Да».

«Аура» ничего не ответила. Просто пошла строка загрузки. Я откинулся на стуле. Посмотрел в окно. За стеклом качались верхушки сосен. Солнце пыталось пробиться сквозь облака, но пока не выходило. Сентябрь в Новосибирске — это когда лето уже кончилось, а снег ещё не выпал, и всё во-

круг висит в каком-то промежуточном состоянии. Ни тепло, ни холодно. Ни свет, ни тьма.

Я достал телефон. Написал Веронике: «Буду поздно. Не ждите ужинать». Она ответила сразу — наверное, ещё не легла после смены: «Что-то случилось?» Я набрал: «Рутина». Потом стёр. Набрал: «Пропажа по старому делу». Отправил.

Она знала, что такое «пропажа по старому делу». Знала и ничего не ответила. Только через минуту прислала смайлик — точку. Наш знак: «я здесь, я жду, делай что должен».

Я убрал телефон и вернулся к папке.

Протокол допроса подозреваемого лежал пятым листом. Подозреваемый — Алексей Викторович Шелест, двадцать восемь лет на момент убийства. Работал водителем в транспортной компании. В день убийства находился в Новосибирске. Его видели в том же подземном переходе за двадцать минут до жертвы. На допросе путался в показаниях. Алиби подтвердил Виктор Романович Грач лично.

Я перечитал последнюю фразу дважды. Подозреваемый путается в показаниях. Начальник угрозыска лично подтверждает алиби. Дело закрыто. Подозреваемый отпущен. Через полгода Грач выходит на пенсию и пропадает.

Связь? Может быть. А может, я просто копаю под мёртвого человека, который не может ответить.

Я закрыл папку. Встал. Подошёл к окну. Сосны качались. В голове крутилась одна мысль: «Кто смазал замок?»

Потому что это главное. Всё остальное — бумага, которой десять лет. А замок смазали недавно. Может, месяц назад. Может, неделю.

Кто-то заходил в хранилище. Кто-то знал, где лежит кассета. И кто-то очень не хотел, чтобы я её посмотрел.

— «Аура», — сказал я вслух.

Да, капитан.

— Кто из действующих сотрудников отдела работал с Грачом?

Анализирую. Виктор Романович Грач покинул должность в марте 2014 года. Из действующих сотрудников Новосибирского управления, работавших с ним непосредственно, остался один: архивариус Пётр Семёнович Кротов. Остальные — на пенсии, перевелись либо умерли.

Архивариус. Пенсионер, бывший опер, чай с бергамотом. Человек, у которого есть третий ключ.

Я взял куртку со спинки стула. Старая кожа скрипнула привычно, как вторая кожа, которую не меняешь, даже когда она трескается на локтях.

— Я в архив.

Принято. Фиксировать разговор?

— Пока нет.

Я вышел в коридор. Прошёл мимо дежурного. Спустился на цокольный этаж. Архив был в конце длинного коридора, где пахло сыростью и старыми обоями. Дверь открыта. Я постучал по косяку.

— Пётр Семёнович?

Кротов поднял голову от пасьянса. Ему было под семьдесят. Худой, седой, в вязаном жилете поверх рубашки. На столе — термос, чашка, печенье в целлофане.

— Иван? — удивился он. — Какими судьбами?

— Разговор есть.

Он кивнул на стул. Я сел. Кротов смотрел на меня спокойно, без напряжения. Так смотрят люди, которым нечего скрывать. Или те, кто хорошо научились это изображать.

— Дело Стрельниковой, — сказал я. — Кассета из ящика двести четырнадцать. Вы её брали?

Кротов моргнул. Медленно. Потом снял очки, протёр платком.

— Я не брал. Но я знаю, кто брал.

Я ждал.

— Грач, — сказал архивариус. — Виктор Романович. Он жив.

Тишина. Только лампа гудит.

— Он жив, Иван. И он приходил в это хранилище месяц назад. С моим ключом. Потому что я дал ему ключ.

Кротов надел очки. Посмотрел на меня сквозь стёкла.

— И я никому об этом не говорил. До сегодняшнего дня.

Я молчал. Не потому что нечего было сказать. А потому что в голове щёлкнуло. Тот самый щелчок. Папка, которую отложишь. Шкаф, который не выберешь. Вечер с семьёй, который не случится. Потому что Виктор Романович Грач, легенда угрозыска, человек, которого признали умершим восемь лет назад, — жив. И он забрал кассету из дела об убийстве, которое когда-то закрыл.

Кротов ждал. Я видел, как он нервничает: пальцы теребят край чашки.

— Где он? — спросил я.

— Не знаю. Он пришёл, попросил ключ на ночь. Я дал. Сказал — нужно посмотреть кое-что по старому делу. Утром вернул. Всё. Адреса не оставил.

— Телефон?

— Нет. Сказал — сам найдёт, если понадобится.

Я встал. Кротов тоже поднялся, и в этом движении была мольба. Не поймите неправильно. Он не боялся за себя. Он

боялся за Грача. За старую легенду, которая зачем-то вышла из тени.

— Иван, — сказал он тихо. — Вы же понимаете. Он не мог взять чужое. Он положил туда что-то. Что-то, что не хотел, чтобы нашли без него.

— А кассету?

— Кассету забрал. Зачем — не знаю.

Я кивнул. Пошёл к двери. В коридоре обернулся.

— Пётр Семёнович. Пока — молчите. Никому.

— Я и так молчал восемь лет.

Я вернулся в кабинет. «Аура» ждала.

Результаты по запросу. Личное дело Грача В.Р. содержит отметку о смерти — формальная процедура, без свидетельства. Внутренняя переписка за 2014 год содержит запрос о розыске. Розыск прекращён в 2016.

«Он жив», — напечатал я.

«Аура» молчала несколько секунд.

Это меняет контекст запроса. Хотите, чтобы я проанализировала действия Грача в рамках дела Стрельниковой с учётом его текущего статуса?

«Да».

Вероятность того, что исчезновение кассеты связано с попыткой скрыть служебный подлог, — 78 процентов. Вероятность того, что Грач намеренно выманивает вас на контакт, — 62 процента.

Я перечитал вторую строку дважды.

«Выманивает?»

Кассета исчезла за день до плановой ревизии. Замок смазан — кто-то хотел, чтобы это заметили. Кротов — единственный, кто знал о приходе Грача. Кротов работает в архиве. Вы неизбежно пришли бы к нему. Это цепочка.

Цепочка. Кто-то выложил хлебные крошки. И я шёл по ним, как по учебнику.

Я посмотрел в окно. Сосны всё качались. Солнце так и не

ВЫШЛО.

Где-то в Новосибирске жил человек, которого все считали мёртвым. Он забрал кассету. Он знал, что я приду. И он ждал.

Я взял телефон. Позвонил Серёже Гордееву в Омск. Гудок, второй, третий.

— Да, Вань?

— Серёжа. Подними всё, что есть по Грачу Виктору Романовичу. Всё, что не попало в официальное дело. Включая неофициальное.

— Грач? Это тот, который...

— Да. Он жив.

Пауза. Потом — выдох.

— Понял. Сделаю. Когда нужно?

— Вчера.

Я положил трубку. Посмотрел на часы на стене. Прошло

четыре часа с того момента, как я открыл пустой ящик.

До конца дня оставалось восемь часов. Я не знал, что принесёт вечер. Знал только, что где-то в городе сидит старик, который когда-то учил таких, как я. Он ждёт. И он подготовился.

А я — нет.

Я открыл папку дела ещё раз. Нашёл фотографию Елены Стрельниковой. Посмотрел в её глаза — спокойные, с лёгким прищуром. Она знала что-то, чего не знаем мы. Она знала имя человека, который ударил её в висок.

Я закрою папку, когда узнаю его тоже.

Глава 2. День первый. Вечер

Серёжа перезвонил через сорок минут. Я как раз выезжал с парковки управления.

— Вань, — голос у него был такой, каким говорят, когда нашли не то, что искали, и теперь не знают, радоваться или пугаться. — Тут дело не только в кассете.

— Говори.

— Я поднял всё, что смог, по Грачу. Личное дело, послужной список, рапорты. Всё чисто, как в церковном хоре. Но есть одна странность. В декабре тринадцатого, сразу после убийства Стрельниковой, Грач запросил перевод в другой регион. Рапорт лежит с резолюцией «отказано». Причина отказа — «в связи с незавершённым расследованием».

— Это не странность. Это формальность.

— Формальность, — согласился Серёжа. — Только рапорт он подал двенадцатого декабря. За два дня до убийства.

Я молчал. Машина стояла на светофоре, дворники мерно

скрипели по стеклу. Дождь опять начался — мелкий, противный, сентябрьский. В голове крутилась дата. Двенадцатое декабря. За два дня до того, как Елену Стрельникову ударили в висок и бросили в сугробе за торговым центром. Грач уже тогда хотел уйти. Заранее. Словно знал, что что-то случится.

— Вань? Ты тут?

— Тут. Что ещё?

— Ещё — ничего. Всё, что касается дела Стрельниковой, из его личного дела изъято. Вообще. Ни одного упоминания. Как будто он его не вёл. Но я точно помню, что вёл, — ты же сам сказал.

— Я не говорил. Ты откуда знаешь?

Пауза. Потом Серёжа сказал тихо:

— Потому что я видел это дело. В Омске. В две тысячи четырнадцатом, когда разбирали бумаги после перевода. Оно лежало в коробке с пометкой «Новосибирск, нераскрытые». Я тогда стажёром был, просто коробки таскал. И запомнил фамилию. Стрельникова. Красивая фамилия. Я ещё подумал — как птица.

Светофор переключился. Я тронулся.

— Серёжа, подними ту коробку. Если она ещё существует.

— Уже. Нету. Коробки с нераскрытыми делами за тринадцатый год списаны в архив Управления. А архив Управления сгорел в пятнадцатом. Ты же помнишь — короткое замыкание.

Я помнил. В две тысячи пятнадцатом в Омске горел архив УВД. Сгорело почти всё: старые уголовные дела, вещдоки, кадровые документы. Списали на короткое замыкание в проводке. Тогда многие говорили — поджог. Но доказать не смогли.

— Значит, дела больше нет, — сказал я.

— Дела нет. Но есть я. И я его видел.

— Что ты помнишь?

— Помню, что там была ещё одна фамилия. Кроме Грача. Кто-то из Москвы. Запрашивал материалы дела в январе четырнадцатого. Фамилию не вспомню, но помню, что удивился — зачем Москве новосибирское убийство?

Москва. В январе четырнадцатого. За месяц до того, как Грач вышел на пенсию и пропал. Кто-то из столицы интересовался убийством женщины в подземном переходе. Кому это могло быть нужно? И главное — зачем?

— Серёжа, копни запросы из Москвы по новосибирским делам за тот период. Может, что-то осталось в электронке.

— Сделаю. Но, Вань... если там кто-то из больших, ты же понимаешь...

— Понимаю.

— И всё равно полезешь?

Я не ответил. Потому что ответ был очевиден. Я уже полез. Я открыл ящик. Я пошёл к архивариусу. Я узнал, что Грач жив. С каждым шагом я заходил всё глубже в лес, где деревья смыкаются за спиной.

— Я перезвоню, — сказал Серёжа. — Береги себя.

— Ты тоже.

Я сбросил звонок. Машина свернула на Морской про-

спект. Дождь усилился. Впереди темнели верхушки сосен — Академгородок встречал меня мокрой хвоей и пустыми тротуарами.

Дома пахло ужином. Гречка с курицей — я понял это с порога. Уголёк встретил меня хвостом и мокрым носом в ладонь, сунулся проверить карманы — нет ли чего. Не было. Я потрепал его по холке, повесил куртку на крючок.

Вероника выглянула из кухни. Волосы собраны в хвост, на плечах — старый свитер, который она надела поверх домашней футболки. Уставшая. После ночной смены так и не легла — ждала.

— Ты рано, — сказала она.

— Не очень.

— Для тебя — рано. Есть будешь?

— Да.

Я прошёл на кухню. Сел за круглый стол. Часы на стене тикали с лёгким щелчком — я слышал их даже сквозь шум дождя за окном. Вероника поставила передо мной тарелку, сама села напротив. Есть не стала — просто смотрела, как я

ем. Она всегда так делает, когда понимает: что-то не так. Не спрашивает сразу. Ждёт.

Алиса была у себя. Из детской доносилось тихое бормотание — то ли уроки, то ли разговор с игрушками.

— Что за пропажа? — спросила Вероника.

Я отложил ложку. Посмотрел на неё. Она сидела, положив руки на стол. Кольцо серебрилось в свете кухонной лампы. Машинально тронула его пальцем — раз, другой.

— Кассета. Из старого дела. Кто-то забрал.

— И что это значит?

— Это значит, что кто-то не хочет, чтобы её посмотрели.

— А ты хочешь?

— Уже хочу.

Она кивнула. Не «зачем тебе это», не «пусть другие занимаются». Просто кивнула. Потому что знала — я не могу иначе. И ей не нужны были объяснения.

— Ты поэтому звонил Серёже?

— Да.

— Что он сказал?

— Что дело сложнее, чем кажется.

Вероника помолчала. Потом встала, подошла к плите, налила чай. Вернулась. Поставила кружку передо мной.

— Я волнуюсь, — сказала она.

— Я знаю.

— И я не прошу тебя остановиться. Просто... возвращайся домой. Это всё, чего я прошу.

— Возвращаюсь же.

— Не физически. — Она посмотрела мне в глаза. — Ты иногда уходишь в эти дела с головой, и тебя нет. Даже когда ты здесь. Я это чувствую. Алиса — тоже.

Я взял её за руку. Кольцо коснулось моей ладони — холодное, гладкое.

— Я здесь, — сказал я.

Она не ответила. Просто сжала мои пальцы в ответ. И в этом пожатии было всё: «я знаю», «я жду», «я боюсь». Но она не скажет этого вслух. Не потому что не может. А потому что не хочет добавлять мне груза.

Из детской высунулась Алиса. Растрёпанная, в пижаме с динозаврами, в одной руке — тетрадка.

— Папа Ваня! Смотри!

Я отпустил руку Вероники. Алиса подбежала, сунула мне под нос рисунок. Акварель. Лес, тропинка, человек в чёрной куртке с фонариком. И собака рядом.

— Это ты и Уголёк, — объяснила она. — Вы ищете сокровища.

— Сокровища?

— Ну да. Ты же всегда что-то ищешь.

Я посмотрел на рисунок. Человек с фонариком шёл в тёмный лес. Собака бежала впереди.

— Спасибо, — сказал я. — Очень красиво.

— Повесишь на стенку?

— Повешу. Завтра.

Алиса просияла и убежала обратно. Вероника смотрела на меня поверх кружки.

— Она права, — сказала она.

— В чём?

— Ты всегда что-то ищешь.

Я допил чай. Ничего не ответил. Что тут скажешь?

В дверь позвонили.

Уголёк поднял голову. Замер. Потом глухо заворчал — низко, утробно. Он никогда не ворчал на соседей.

Я встал. Вероника тоже поднялась.

— Ждите здесь, — сказал я.

Подошёл к двери. Посмотрел в глазок.

На лестничной площадке стоял мужчина. Лет пятьдесят пять — шестьдесят. Худой. Седой ёжик волос. Очки в тонкой оправе. Одет не по погоде — лёгкий плащ, под ним свитер с высоким горлом. В руке — ничего. Стоял ровно, спокойно, глядя прямо в глазок. Как будто знал, что я на него смотрю.

Я открыл дверь. Не сразу — сначала снял цепочку.

— Вы Метростроев? — спросил мужчина. Голос тихий, без интонации.

— Да. Кто вы?

— Моя фамилия Нестеров. Александр Игоревич. Я бывший коллега Виктора Романовича Грача.

Дождь шумел за его спиной. Стекла на площадке не было — ветер задувал капли прямо на бетонный пол.

— И что вам нужно?

— Поговорить. О кассете.

Я стоял и смотрел на него. Соседская дверь оставалась закрытой. Лампочка над площадкой мигала — прямо как в коридоре управления.

— Откуда вы знаете, где я живу?

— Я знаю о вас многое, Иван. Я знаю, что вы перевелись из Омска. Знаю, что вы раскрыли серию убийств, которая висела двадцать два года. Знаю, что вы не пьёте. Знаю, что у вас пёс по кличке Уголёк и невеста по имени Вероника. И я знаю, что сегодня утром вы открыли пустой ящик в хранилище.

Я молчал.

— Виктор Романович просил меня найти вас. Он хочет встретиться.

— Где он?

— Этого я пока не скажу. Сначала — разговор.

Я посмотрел на него ещё раз. Нестеров. Александр Игоревич. Бывший коллега. Возраст — чуть за пятьдесят пять, значит, работал с Грачом ещё в нулевых. Сейчас, судя по вы-

правке, либо на пенсии, либо в частной структуре. Нервным не выглядел. Смотрел прямо, но без вызова.

— Заходите, — сказал я.

— Иван... — Вероника стояла в дверях кухни. Я обернулся. Она смотрела на Нестерова, и в её глазах было то, что я редко видел, — тревога. Не за себя. За меня.

— Всё нормально, — сказал я. — Мы поговорим на кухне.

Нестеров кивнул, переступил порог. Уголёк подошёл ближе, обнюхал его ботинки. Не зарычал. Просто отошёл обратно к коврику — но остался настороже.

Вероника взяла Алису и ушла в детскую. Дверь закрылась.

Мы сели на кухне. Я — на своё место, спиной к окну. Нестеров — напротив, там, где сидела Вероника. Он оглядел кухню — часы, рисунки на холодильнике, ноутбук экраном к стене. Ничего не сказал.

— Чай? — спросил я.

— Нет, спасибо.

— Тогда говорите.

Нестеров снял очки. Протёр. Снова надел.

— Виктор Романович не убивал эту женщину. Но он знает, кто убил. И знает, почему убийцу не нашли. Десять лет он молчал. Теперь хочет говорить.

— Почему сейчас?

— Потому что у него рак. Четвёртая стадия. Месяц, может — два.

Я вспомнил слова «Ауры». «Вероятность того, что Грач намеренно выманивает вас на контакт, — 62 процента». Вот оно. Старик умирает. И хочет исповедаться. Но исповедаться не священнику — другому оперу. Тому, кто поймёт.

— Почему я? — спросил я.

— Потому что вы чужой в Новосибирске. Вы не связаны ни с кем из старых. Вы не обязаны никому из тех, кто здесь работал. И вы, — он помолчал, подбирая слово, — вы не боитесь.

— Откуда вы знаете?

— Я читал ваше дело. Омское.

Я почувствовал, как внутри что-то сжимается. Холодно, туго. Моё омское дело. Которое, по идее, никто не мог читать без специального допуска.

— У вас есть допуск?

— Уже нет. Но остались друзья.

— Зачем Грачу я? Кроме того, что я чужой.

Нестеров посмотрел на часы. Потом на меня.

— Потому что убийца Елены Стрельниковой — сын человека, который сейчас занимает должность в Генпрокуратуре. Того самого человека, который в январе четырнадцатого запрашивал материалы дела. Чтобы убедиться, что имя сына нигде не всплывёт.

Вот оно. Москва. Январь четырнадцатого. Запрос материалов. Кто-то из Генпрокуратуры прикрыл убийцу. Своего сына.

— Фамилия? — спросил я.

— Этого я не скажу. Это скажет Виктор Романович. Лично. Завтра.

— Где?

Нестеров достал из кармана сложенный лист бумаги. Протянул мне.

— Завтра. Десять утра. Это адрес. Приезжайте один. Без телефона. Без оружия. Без записывающих устройств.

Я развернул лист. Адрес: Бердск, Затонная улица, 17. Это было в часе езды от Новосибирска. Старый дачный посёлок на берегу Обского моря.

— Почему я должен вам доверять? — спросил я.

— Вы не должны, — сказал Нестеров. — Но Виктор Романович просил передать вам одну вещь. Чтобы вы поняли: это не ловушка.

Он полез во внутренний карман плаща. Я напрягся. Но он достал не оружие. Он достал фотографию.

Положил на стол. Пододвинул ко мне.

На фотографии были двое. Мужчина лет сорока пяти и парень — чуть старше двадцати. Они стояли на фоне какого-то административного здания. Оба в форме. Мужчина — с погонами полковника. Парень — с лейтенантскими звёздами.

— Узнаёте? — спросил Нестеров.

Я узнал. Мужчина — это был Грач. Парень — это был я.

— Откуда это у вас?

— Виктор Романович хранил. Он был на вашем выпуске в Омской академии. Неофициально. Приехал посмотреть на курсанта, о котором ему рассказывали. О вас рассказывали, Иван. Ещё до того, как вы стали тем, кем стали. Он знал вас заочно. И теперь, когда ему понадобился человек, которому можно доверить правду, он выбрал вас.

Я смотрел на снимок. Грач стоял, положив руку мне на плечо. Я не помнил этого момента. Совершенно. Видимо, это был кто-то из кураторов, кто-то из гостей — я тогда не запомнил всех. А он запомнил меня.

— Завтра в десять, — повторил Нестеров. — И пожалуй-

ста, Иван. Без хвостов. За ним могут следить.

— Кто?

— Те, кто прикрывал убийцу десять лет назад. У них длинные руки. И хорошая память.

Он встал. Я тоже.

— Я передал, что должен, — сказал Нестеров. — Дальше — ваше решение.

— Вы с ним работали?

— Двадцать лет. Он учил меня всему. И я не мог ему отказать.

Он пошёл к двери. У порога обернулся.

— И ещё. Он сказал: «Передай Метростроеву, что это не просто убийство. Это убийство, которое изменило всё». Я не знаю, что это значит. Но он просил передать дословно.

Я закрыл за ним дверь. Вернулся на кухню. Фотография лежала на столе. Грач и я. Десять лет назад.

Из детской вышла Вероника. Села напротив. Алиса осталась в комнате — слышно было, как она что-то напевает.

— Кто это был? — спросила Вероника.

— Человек от Грача.

— И что ему нужно?

— Чтобы я приехал завтра. В Бердск. Поговорить.

— Ты поедешь?

— Да.

Вероника взяла фотографию. Посмотрела. Потом перевернула — на обороте была надпись. Мелким, аккуратным почерком: «Омск, июнь 2014. Лучший курсант выпуска. И.В. Метростроев».

— Он знал тебя, — тихо сказала она.

— Получается, что так.

— И ты ему веришь?

Я помолчал. Часы тикали. Дождь стучал по подоконнику.

— Я не знаю, верю ли я ему. Но я хочу услышать, что он скажет.

Вероника вернула фотографию. Встала. Подошла ко мне, положила руки на плечи.

— Тогда езжай. Только возвращайся.

— Обещаю.

Я открыл ноутбук. «Аура» ждала.

Добрый вечер, капитан. Вы пропустили четыре часа. Записать разговор?

«Нет».

На столе фотография. Хотите, чтобы я проанализировала?

«Нет. Завтра, Аура. Всё — завтра».

Принято. Спокойной ночи, капитан.

Я закрыл ноутбук. Посмотрел на часы. Десять вечера. Завтра в десять утра я узнаю то, что десять лет лежало под сукном. И, возможно, то, что изменит не только моё расследование. Но и моё представление о человеке, которого я никогда не знал, но который, оказывается, знал меня.

Уголёк подошёл и положил голову мне на колено. Я потрепал его по холке.

— Завтра, — сказал я ему. — Завтра всё решится.

Он лизнул мне руку. И я почему-то подумал: вот оно, доверие. Без условий. Без проверок. Просто — ты свой, и я с тобой.

Люди так не умеют.

Но, может быть, хотя бы один человек — умел. И завтра я это узнаю.

Глава 3. День второй. Утро

Утром я уехал, пока Алиса ещё спала.

Вероника стояла в дверях кухни, кутаясь в халат, и смотрела, как я завязываю шнурки. Уголёк сидел у порога и переводил взгляд с неё на меня — не понимал, почему я ухожу без него.

— Кофе? — спросила она.

— Не хочу.

— Это плохой знак. Ты всегда пьёшь кофе.

Я выпрямился. Накинул куртку.

— Я ненадолго. К обеду вернусь.

— Ты вчера тоже говорил «рутина».

Я ничего не ответил. Она подошла ближе, поправила воротник моей куртки — старый жест, ещё с Омска.

— Если что-то пойдёт не так — звони Лаврентьеву. Он в курсе. Частично.

— Что значит «если что-то пойдёт не так»?

— Ничего не значит. Просто предосторожность.

Вероника посмотрела на меня так, как смотрит врач на пациента, который врёт о симптомах. Спокойно, без истерики, но с полным пониманием.

— Ты едешь к человеку, который восемь лет считался мёртвым. Который вышел на тебя через бывшего коллегу. Который назначил встречу на заброшенной даче. И ты говоришь «предосторожность»?

— Да.

— И ты считаешь, что я должна просто остаться здесь и ждать?

Я взял её за руку. Кольцо холодило пальцы.

— Ты не просто ждёшь. Ты — причина, по которой я вернусь. Это другое.

Она долго смотрела мне в глаза. Потом кивнула.

— Если к часу дня ты не позвонишь, я набираю Лаврентьева.

— К двум.

— К часу тридцати. Это моё последнее слово.

— Договорились.

Я поцеловал её в висок — пахло сном и гелем для душа. Вышел на лестницу. Дверь закрылась за мной с тем же звуком, что и ящик в хранилище. Сухой щелчок. Точка.

Я сел в машину, завёл мотор. Дворники смахнули ночную морось со стекла. Старый «форд» прогрелся, кашлянув, как простуженный пенсионер. Я выехал с парковки.

Бердск — это полчаса по трассе, если без пробок. Дачный посёлок на Затонной — ещё минут двадцать от центра. Место глухое, особенно в сентябре: дачники разъехались, Обское море серое и холодное, ветер с воды пробирает до костей. Идеальное место для разговора, который никто не должен слышать.

Я ехал и думал о фотографии. Лучший курсант выпуска. Июнь две тысячи четырнадцатого. Грач приехал в Омск, чтобы посмотреть на меня. Зачем? Что ему обо мне рассказывали? Кто? Я перебирал в памяти кураторов, преподавателей, гостей — ни одной фамилии, связанной с Новосибирском. Чисто.

Но он приехал. Стоял где-то в толпе. Смотрел. Запомнил.

И через девять лет, умирая от рака, позвал меня. Не кого-то из своих — меня.

Дорога уходила вправо, к Бердскому заливу. Сосны расступились, открыв серую гладь воды. В такую погоду море не блестит — оно просто лежит, как мокрый асфальт, и сливается с небом. Я опустил стекло. В салон ворвался холодный воздух, пахнувший водорослями и прелыми листьями.

Затонная улица оказалась тупиковой. Семнадцатый дом — последний. Старая деревянная дача с заколоченным мезонином. Забор покосился, но калитка была открыта. Я припарковался у ржавых ворот, заглушил двигатель.

Вышел. Огляделся.

Тишина. Только ветер и где-то далеко — крик чайки.

Я оставил телефон в бардачке. Как просили. Постоял, привыкая к тишине. Потом толкнул калитку.

Дорожка из битого кирпича вела к крыльцу. На крыльце стоял мужчина.

Он был высокий, но сторбленный — болезнь съела его изнутри. Седые волосы зачёсаны назад. Глаза светлые, почти прозрачные, с желтизной белков — печень уже сдавала. Одет в старый свитер и тёплые брюки. На плечи накинут плед.

Виктор Романович Грач. Живой.

— Иван, — сказал он. Голос был тихий, но не слабый. — Проходите. Я ждал.

Я поднялся на крыльцо. Он протянул руку — сухую, с синими жилами под кожей. Я пожал. Пожатие вышло крепким, несмотря ни на что. Старая школа.

Внутри дачи пахло деревом, лекарствами и печным дымом. Одна комната, совмещённая с кухней. Железная кровать у стены. Стол. Два стула. Печка-буржуйка. На подоконнике — пачки таблеток, поильник, старая кружка. На столе — керосиновая лампа и знакомая картонная папка.

Дело № 13-12-41.

И кассета. Чёрная, с белой наклейкой. Та самая.

— Садитесь, — сказал Грач. — Разговор будет долгим.

Я сел. Он опустился на второй стул — медленно, бережно, как садятся люди, у которых внутри уже почти ничего не держится.

— Хотите чаю? — спросил он. — У меня есть. Правда, вчерашний.

— Нет.

— Правильно. Я бы тоже не стал пить чай с покойником.

Он усмехнулся. Усмешка вышла кривой — мышцы лица уже не слушались.

— Вы знаете, зачем я вас позвал? — спросил он.

— Кассета. Дело Стрельниковой. Убийство, которое вы закрыли.

— Не закрыл. Приостановил. Это разные вещи.

— Подозреваемого отпустили за отсутствием улик.

— Потому что улик не было.

— А кассета?

— На кассете, — сказал Грач, — нет преступления. Есть только жертва. Она идёт по переходу. Одна. За сорок минут до смерти. Камера писала только вход в метро, а не выход. Она вошла — и всё. Что было потом — никто не видел.

— Тогда зачем вы её забрали?

Грач помолчал. Потом взял кассету, повертел в руках.

— Потому что десять лет назад я отдал эту кассету в хранилище вместе с пустым рапортом. А теперь — заберите. Посмотрите сами. И решите, что делать.

— Что на ней?

— Ничего. Только Елена Стрельникова. Но вы должны её увидеть. Прежде чем я расскажу остальное.

Он пододвинул кассету ко мне.

— У меня нет видеомагнитофона, — сказал я.

— У меня есть.

Грач кивнул в угол. Там, под старым пледом, стоял маленький телевизор с видеоплеером — техника девяностых, но в рабочем состоянии. Я встал, взял кассету, вставил в плеер. Экран загорелся. Пошли помехи, потом — чёрно-белая картинка.

Подземный переход. Стены в плитке. Люди идут — кто-то быстро, кто-то медленно. На часах в углу экрана — 19:12. Четырнадцатое декабря две тысячи тринадцатого года.

Вот она.

Елена Стрельникова вошла в кадр. Светлое пальто. Шапка с помпоном. Сумка через плечо. Идёт спокойно, не оглядываясь. Смотрит под ноги — там скользко. Проходит мимо камеры. Исчезает.

Я перемотал назад. Посмотрел ещё раз.

— Вы видели? — спросил Грач.

— Видел.

— Нет, не видели. Посмотрите внимательно. Кто идёт за ней.

Я вгляделся. За Стрельниковой, в десяти метрах, шёл мужчина. Высокий. В тёмной куртке. Капюшон надвинут на лицо. Руки в карманах. Идёт тем же шагом. Не отстаёт, не приближается. Держит дистанцию.

— Вы знаете, кто это? — спросил я.

— Да.

— Кто?

Грач сложил руки на столе. Посмотрел на меня.

— Сын очень влиятельного человека. Тогда ему было двадцать четыре. Сейчас — тридцать четыре. Он живёт в Москве. У него семья, дети, должность в крупной корпорации.

— Имя.

— Сначала я расскажу, как всё было. А потом — решайте, нужно ли вам его имя. Потому что, если я назову его сейчас, вы пойдёте по адресу. И тогда — всё. Обратной дороги не будет. Ни для вас, ни для вашей семьи.

Он говорил спокойно. Без угрозы. Просто констатировал факт.

— Десять лет назад я принял решение, — продолжил он. — Я решил, что жизнь моей семьи важнее правосудия. Мне угрожали. Не мне лично — жене. Дочери. Я тогда только вышел на пенсию. Думал: ну что я могу? Кому я нужен, старый опер? А они показали фотографии. Жена идёт из магазина. Дочь выходит из школы. И подпись: «Виктор Романович, не делайте глупостей». Я не сделал. Я молчал. Через месяц пропал — инсценировал исчезновение. Уехал. Жил под чужим именем. Думал, так будет безопаснее для всех.

— Кто угрожал? Отец убийцы?

— Не только. Это была система. Несколько человек. Один из них сейчас в Генпрокуратуре. Фамилию я вам тоже назову.

— Почему вы не пошли к Лаврентьеву? Он тогда работал в Омске, но связи...

— Лаврентьев был помощником прокурора области. А человек, который прикрывал убийство, — его прямой начальник. Вы понимаете? Я не знал, кому можно доверять. Поэтому ушёл.

Я молчал. В голове крутилось: Лаврентьев. Юрий Лаврентьев, мой друг, который сейчас в Москве. Человек, который помог мне в деле Прохорова. Которого я считал абсолютно надёжным.

— Лаврентьев не знал, — сказал я.

— Теперь — знает. Я ему сообщил. Полгода назад. Когда понял, что умираю. Он помог мне выйти на вас.

— Почему не приехал сам?

— Потому что за ним следят. Как и за мной. Как и теперь — за вами.

Я резко поднял голову.

— Что значит «за мной»?

— С того момента, как вы открыли ящик. Вы думаете, они

не ждали? Десять лет они ждали, что кто-то поднимет это дело. Вы подняли. Теперь они знают о вас. О вашей семье. О вашей невесте. О её дочери.

Внутри у меня что-то оборвалось. Холодное, тугое. Я вспомнил Веронику, стоящую в дверях кухни. Алису, спящую в детской. Уголька, который положил голову мне на колено.

— Угроза? — спросил я.

— Пока — нет. Наблюдение. Они хотят понять, как далеко вы зайдёте.

— А если я зайду до конца?

Грач посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах стояла вода — то ли от болезни, то ли от чего-то ещё.

— Тогда они попытаются вас остановить. Как пытались остановить меня.

— У вас не получилось скрыться.

— Я и не скрывался. Я просто исчез. А они сделали вид, что поверили. Десять лет я думал, что перехитрил их. А они

просто ждали. Потому что у них было время. У них всегда есть время. У таких людей время — это ресурс. А у меня его больше нет. Поэтому я здесь. И поэтому я позвал вас.

Он закашлялся. Долго, мучительно. Потом отпил из польника.

— Я расскажу вам всё, Иван. Имена, даты, факты. Всё, что я скрывал десять лет. Но перед этим я хочу спросить.

— Спрашивайте.

— Зачем вам это? Вы не знали Стрельникову. Вы не служили со мной. Вы можете просто закрыть папку и жить дальше. Никто вас не осудит. Я — тем более.

Я молчал. Дождь за окном усилился. Капли барабанили по крыше.

— Потому что я не могу иначе, — сказал я наконец. — Я пробовал.

Грач кивнул. Медленно. С пониманием.

— Я тоже пробовал, — сказал он. — Не получилось.

Он открыл папку. Достал несколько листов.

— Тогда слушайте. Четырнадцатое декабря. Вечер. Подземный переход у метро «Речной вокзал». За Еленой Стрельниковой шёл молодой человек. Звали его...

Он назвал имя.

И мир сдвинулся.

Я знал эту фамилию. Не потому что встречал в деле. Потому что это была фамилия заместителя Генерального прокурора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.